

ЗМЕЯ В ЧЕЛОВЕКЕ

В продолжение публикации материалов Фольклорного архива Академической гимназии СПбГУ, связанных со змеиной темой в фольклоре¹, предлагаем на этот раз группу устных рассказов, объединяемых мотивом «змея проникает внутрь человека». Народное поверье о том, что змея может заползти в человека, является устойчивым и общераспространенным. Наши материалы из Ленинградской, Новгородской, Псковской и Тверской областей, собранные в конце 1990-х гг., содержат многократные подтверждения актуальности этого представления для сегодняшних деревенских жителей. Самая ранняя из известных нам русских фиксаций приводится в чулковской «Абевеге»: «Если спящему в поле грезится, что он пил весьма студеную воду, если ему тошнит по утрам, ежели мерещится, что у него ворочается или раздувается живот, то уже никто не смеет сомневаться, что у него в желудке обитает змея. Такого поят парным и наговоренным молоком, смешанным с конопляным маслом, столько, сколько желудок его вместить может, потом привязывают его за ноги в жарко натопленной бане к потолку и держат до тех пор, пока не вырвет из него, как говорят, "черенки"; с которою рвотою, по уверению их, и змея выходит»².

Автор статьи «Мнения простолюдинов о змеях», опубликованной в 1827 г., сообщает, что «в Воронежской губернии, по словам одного там находившегося офицера, выгоняют зашедших внутрь человека змей так: страждущего отвозят на место, где в большом количестве растет земляника, запахом которой она, будучи привлекаема, выходят вон»³.

Веру в возможность проникновения змеи в человеческое нутро отмечают, помимо этнографических фиксаций, и медицинские данные. В начале XX в. русские психиатры зафиксировали и описали специфический психоневроз, названный В.М. Бехтеревым «одержимость гадами»: «До сих пор держится в простом народе своеобразный вид одержимости с бредом о присутствии внутри тела различных гадов, как, напр., змей, жаб или лягушек <...> Несколько случаев этого рода, которые мне удалось наблюдать, касались вхождения в желудок змеи через пищевод во время сна при открытом рте и постоянного ее там пребывания»⁴. Недуг этот был для

крестьян настолько несомненным, что, исчерпав все традиционные методы его излечения, одержимые нередко сами обращались к медикам с просьбой освободить их организм от гада. Так, наблюдаемая приват-доцентом В.П. Осиповым девица Л., которой во время сна в лесу, на глазах у подруги, в рот вползла змея, по словам доктора, «большею частью <...> находится в печальном настроении, будучи занята своим бредом, на котором сосредоточено все ее внимание; она мало разговаривает, мало интересуется окружающим, горячо желает избавиться от своей болезни; только о своей болезни и о своих болезненных ощущениях говорит охотно и подолгу, постоянно убеждая сделать ей операцию, разрезать шею и живот и вынуть оттуда змею»⁵.

В публикуемых здесь крестьянских рассказах повествование развивается за счет указаний на обстоятельства попадания змеи в человека, обстоятельства выхода змеи из человека и изложения следствия (результата) пребывания змеи в человеке. Ситуация заполнения змеи в человека всегда одна и та же — во время сна. Варьирование остальных нарративных стимулов позволяет выделить в известном нам материале три основные сюжетные версии.

ВЕРСИЯ I: змея остается в человеке, причиняя вред; впоследствии изгоняется специальными средствами.

1. — А потом у нас тут недавно, вон, в Долге-то мальчишка тоже пас и тоже заснул, и... Так его как-то по-другому. В баню подвешали. Натопили баню, над печкой его повесили вниз головой. И что-то, малиновых кустов нарубили и положили эти малиновые кусты-то рядом. Да как вот гадюка-то, мол, любит малину. И он выполз оттуда, от него, изо рта-то. Вниз он головой-то висел. Так вот делали, в деревнях это так.

Соб.: А это вредно, если гадюка внутрь заползет?

— Конечно, вредно. Умрешь, наверное <...> Говорили, что когда ползёт она, то ты чувствуешь, как вроде квас пьешь. Так заглядываешь, говорит (зап. от А.К. Никитиной, 1927 г.р., д. Виджа Старорусского р-на Новгородской обл.).

2. Ейный мальчишка пас коров, овец, там у кого-то. Жила бедно, она мальчишку

отдала пасть к соседу. А в воскресенье-то ей жалко, что он хочет побегать, мальчишка-то. Она пошла его сменить. «Иди, говорит, побегай, а я попасу за тебя». (Это была, а не нарочно. Был, это около Плюссы, там у нас.) Он побегал, она лёгла, да и заснула. И видит, что сон: она воду холодную пила. А это она ня воду, а он полез <...> Пришла домой, у ей мужик дома. «Ой, мне что-то, говорит, плохо так, говорит, тошнит, тут что-то вьется». Ну вот. А соседка сразу поняла, догадалась. И говори: «Вяди её в больницу, больница недалече». А он — тот ей матюгом <...> Соседка её повела, а врач-то, наверное, вот чокнувши: он взял да ей сказал — у ей разрыв сердца. Ей не надо было говорить, а стопить байню погораже... (Ну она тут бы поняла всё равно бы...) И за ноги повесить, и она бы висела, а он бы вышел. А всё бы тут, всё равно бы она поняла. Вот так (зап. от Н.А. Карповой, 1906 г.р., д. Заозерье Плюсского р-на Псковской обл.).

3. Ну, у нас это бабушка рассказывала в моём возрасте. Одной был вползши. Ну вот, дак выгоняли в бане <...> Ну, как-то молока пила она и на полке в жары. И выполз — огромный, крови напившись. Она уже всё, доходила. Вот там когда жили мы. Ел ейную, всё пил кровь. Так говорят, на силу отходила (зап. от Т.М. Колчиной, 1932 г.р., д. Святогорша Старорусского р-на Новгородской обл.).

4. А у одного тоже, это, у мужика были гадюги повсажены, тоже у колдунов (далее рассказчица меняет пол персонажа. — Е.И. М.Л.). Да как это, одна тоже откандывала от ей. «Ты набери, говорит, тарелку малины, вот. Набери и ляг. Ляг, говорит, на поженку, и ету малину... ляг на бочок и ету малину, будто, у рта положи. Так вот, ну, вот место, так вот, пространство, чтобы ёму выйтить». К малины-то он выходит: запах-то идёт туда, она дышит. Ну вот, она открыла, это, рот и легла. И этот гадюга вышел к этой, к малины-то. «Ты, говорит, токо не бойси, если...» Она заснула <...> И эта гадюга пошла. А она — ей снится, что как воду холодную пьёт — что он [гад] холодный, — как холодную воду пьёт. И этот гадюга к малины и вышел. Вот что тоже делают колдуны. А одна отколдовала (зап. от Т.И. Тумановой, 1930 г.р., д. Климово Бокситогорского р-на Ленинградской обл.).

Варьирование рассказов первого типа происходит в основном за счет разнообразия средств извлечения змеи из организма человека: страдающего поят молоком, парят в бане и т.п.; по данным Т.А. Новичковой, «в Енисейской губернии с той же целью женщину, подозревающую, что у нее во внутренностях находится змея, поили мочой сильно перепотевшей лошади»⁶. В наших материалах основной способ извлечь гада состоит в выманивании на запахи его излюбленных, по народному мнению, яств: молока, земляники, малины и т.п. Подробные описания изгнания змеи присутствуют и в рассказах с другим исходным мотивом, отсылающим, соответственно, к другому поверью: о возможности «самозарождения» гада в организме человека в результате особого рода порчи (текст № 4).

ВЕРСИЯ II: змея сама выползает обратно, очистив организм человека.

5. Это я слышала такое. Да. Два мужнины, оны на покосе были, наверное. Ну и сели отдыхать. А один приснул. Другой пошёл свои дела делать, а потом идёт, надо разбудить сына. Ну. Змья — только хвост остался. А мужик этот был больной. Туберкулёзом. Туберкулёзный был. Хвост только мелькнул в рот — и всё. Мужик с ужасом — не стал будить, не стал будить. Ну. А оны, наверное, только наелись ягод, что-ли, ягоды поели — земляники, что-ли, я не знаю. А змья ж — она на землянику идёт неизвестно как. Ну вот. Мужик стоит наблюдает, что дальше будет. А этот спит — даже и никакого внимания не обращает, не просыпается. Вылазит змья — вся белая, вся... Знаешь, а туберкулёзный человек, — там, там же гной, в лёгких. Обтерлась об эту — об эту, об траву. Другой смотреть. И опять туда нырк. Да, говорят, два или три раза туда слазила. Два раза слазила. Ну. Потом он разбудил. Мужик встал как: «А, говорить, видел сон: пил холодную воду». Змья-то холодная, как лёд. «Пил, говорить, холодную воду». Вот как змья загнилизировала человека. И — вылечила. Там уже весь... всё больное оттудова она на себе собрала. Вот как (зап. от Н.А. Ивановой, 1928 г.р., д. Галибицы Торопецкого р-на Тверской обл.).

6. Да раньше ещё один вот у нас мужик — уж не знаю, правда ль, не. Я что-то не верю, а мама рассказывала. Говорит — и назвала старика-то этого, — а он болел. У него что-то внутри там — желудок болел у

него. Ну и лёг спать. (Спать-то ляжешь, от если стане рыбу йисть [перед сном] — оны тут как тут. На рыбу оны очень идут, эти змии. У нас всяких гадуок много: больших, и серых, там, чёрных.) Эта змея подползла, в рот туды юрнула, в живот ему. И он всё спал, и она сколько от его оттуда вышла вся вот етакая, в гноё. Вытрется об траву — и опять туда, и опять туда. Да этот старик до ста годов потом дожил <...> А видели другие-то. «А я, говорит, во сне, говорит, видел, говорит, до чего холодную, говорит, воду я, говорит, пью!» Ведь она же холодная. И оны яму не сказали: он мог бы с ума сойти <...> И вот старик жил до ста годов. Она вылечила его. Это мама рассказывала. Это истинна правда (зап. от Е.П. Романовой, 1928 г.р., д. Лаврово Тихвинского р-на Ленинградской обл.).

7. Я не знаю, про кого говорили-то? Что он пьяный был вроде. А вино ведь все любят. И муха любит вино. Брось бутылку поливши — туда как наберётся мух! И вот. А она [змья] ничего, она обратно повернула, и выползла. <...> Он только чувствовал, что, говорит чего-то: «Что, говорит, проглотил такое», — говорит, да матом все. А она повернулась и выползла там у него. В желудок забралась, а чо там — одно вино было и у него. И не евши пьяный <...> Поушёл, что: «Хоть лягу там, полежу. Пусть хоть это, как сказать, пройдёт эта пьянь-то». Вот. Да лёг, да верно, а и рот-то и распялил — спит дак... Вот. А, верно, небольшая дак, верно, маленькая. Не оборила его ничего, а влезла опять и вылезла (зап. от А.К. Вениаминовой, 1934 г.р., д. Ореховно Мошенского р-на Новгородской обл.).

8. Это Терехов Иван. Он пас коров. И у него была ангина гнойная, короче говоря. Ну, уснул <...> Он сам рассказывал, что: «Представляешь, говорит, так холодненько-холодненько стало, хорошо вроде». А оказывается: к нему заползла — чувствует нарыв — заползла змея. Так она полезла туда. Она вышла, значит, обкаталась об траву, полезла ещё ходку. «Ну, говорит, в это время проснулся». Если бы он не проснулся — она б задушила его. Потому что она пролезла бы туда уже. Это он рассказывал сам (зап. от В.П. Ильинского, 1936 г.р., д. Заполье Бокситогорского р-на Ленинградской обл.).

9. Косили, косили — ну, и легли спать <...> Да, и он был больной. Чахотку-то раньше не лечили. Чахоточный был больной. Ну, вот. Ну, это туберкулёз таперь, а раньше

было чахотка. Так. И он лёг спать, и разинул рот. Ну вот, змья лазила и всё вычищала его. Вычищала, это чтобы ей посялится там. Так. Хорошо. Ён видит во сне, как будто пьёт квас кислый. Как она залазает ему — как будто квас он кислый пьёт. Потом, говорить, как будто лво кто-то толкнул, когда она последний раз вылезла. Уже всё, последний: яшшо б залезла раз — и всё, и ня вылезла б от яво. Так. Он встал. «Господи, помилуй, что это, говорить, как меня, говорить, полегчало тама, ня стало такой, говорить, боли такой, в середины». И мужик поправился (зап. от Л.Я. Сапоговой, 1933 г.р., д. Макавеево Локнянского р-на Псковской обл.).

Рассказ об очищении организма человека заползающей змеей, записанный в 1986 г. в Новгородской обл., был недавно опубликован М.Н. Власовой под названием «Гадюка исцеляет косяца»⁷. В историях с сюжетом этого типа тоже актуализируются крестьянские представления о змеиных гастрономических пристрастиях: змея проникает в желудок спящего, так как из его рта исходил привлекавший ее запах земляники, вина, рыбы. Другие мотивировки — желание гада «поселиться» в желудке или же стремление излечить недужного. Сопоставление таких рассказов позволяет заметить интересную закономерность: «злонамеренное» заползание гад совершается инстинктивно, движимый голодом или своей хищной природой, и в этом случае очищение организма совершается им как бы попутно («Вычищала, это чтобы ей посялится там»); если же излечение больного человека — цель, то змеей движет сознательное благое намерение («Она свое дело сделала и ушла...»⁸). По-видимому, в народной герпетологии дихотомии «полезность/вредоносность» и «разумность/неразумность» взаимосогласованы.

ВЕРСИЯ III: никто не знает о заплзании змеи в человека, и проявления ее присутствия в организме трактуются превратно; впоследствии все выясняется.

10. — У нас, говорит, барин был, или как — помещик. У него, говорит, очень большой живот, говорит, был. И он, говорит, много ел. Никто не знал, что у него змея там живёт, в желудке. А тут он как-то поехал с каким-то, со своим кучером или чего, — бабушка рассказывала. Наелся, говорит, малины. И вот кучер, говорит, пришёл. «Ещё!» — говорит [барин]. А он нарвал ему корзину, или сколько, чашку, там,

малины. Он, говорит, съел. Пошёл, говорит, за второй, рвать ему. И барин-то, хозяин, говорит, уснул. «Я, говорит [кучер], подхожу, а у него изо рта змея, говорит, выползает. Она, говорит, выползла». Он, говорит, палкой откинул её — и хозяин, говорит, стал нормальным человеком. Сколько она у него там жила в желудке — чёрт её знает. А он потом спрашивал у хозяина: «Ты, говорит, ничего не видел [во сне]?» — «Я, говорит, ничего не видел. Я, говорит, пил такую, говорит, холодную воду — никогда, говорит, такой воды, говорит, не пил», — вот когда она выползала.

Соб.: А как она туда попала?

— Так спал — и заползла (зап. от Н.В. Виноградова, 1935 г.р., д. Ёлзово Бокситогорского р-на Ленинградской обл.).

11. Это чужой мужик, не знаю, какой области, он рассказывал: у их, евоная племяница. Там если девушка забрюхатит — девушкой, не замужем — это очень позор. (Ну, это и у нас-то нехорошо... Ну теперь-то уж, теперь хорошо...) И там очень позорно. У её брат. Мать, брат и она. И им это неприятно, что она в положении. Ну, что делать? А там много малиннату. А в малиннате же очень гады любят <...> Да, а она как где сидеть — она всё спит, ей всё в сон ударяет. А она не в положении, а у её гад там. И гад-то ишло там родил. Она не в положении. Яю мать бранит: «Говори, от кого ты? От кого ты в положении?» Она: «Мама, я, я не... и не... — значит, что, — я и не в положении». А у её там... Они [брат] с матерью договорились: «Жалко яю, но пойдём за малиной, она там заснёт — я яю убью». Ну, позор: не хотят, что вот позорно. Она заснула, а в малиннате-то он раз пришёл яю убить — ему это, ему вот уж Господь не даёт убить её. Утошёл: не может он убить — ну, сестру родную убить колом. Утошёл. Второй раз пришёл — ну, не может вот убить. Это же Господь ему не дае. (Это мушшина рассказывал, не я это.) Второй раз пришёл. Его, говори, Господь не позволял, что вот «убей!». Третий раз... «Ну что, говори, ну надо домой. Пойду, говори, убью». Приходит — от её гад вылезает! Один вылез большой, а то маленькие, там скоко у него нарожено. Он спугался. Так они: раз! раз! — мигом выходят. Вышли. Он всё их откидывал. Он ня мог бить. Он расстроивши, ня мог бить <...> Она [раньше] ничего есть не хотела: тошнило яю всё, что он тама, тошнило яю. А когда в положении-то бываешь, женщина, там, де-

вушка — она не хоче есь. Это бывае такое. Ну, так и считают, что она тошнит. А живот большой: ну, в положении — то и всё. Ей нету житья дома. Ну вот, она брату-то и говори: «Как мне лёгко... Тошнить мне бросило. Я пить хочу». А воды нету. Идут мимо, там где-то мшага. Он побежал, взял кепку. Так вот воды нажал там мох-то, вот нацедил воды-то ей, с кепки дал попить. «Ой, как хорошо мне!» Приходи домой, мать и глаза выпулила: что ишёл убивать, а сам привёл яю опять домой. Она пришла, лёгла, говори: «Мама, я есть хочу». Она есь хочет. Она не ела, яю тошнило. Он матери сказал: «Мама, вот так и так, говори, она не в положении, а у ей здесь были змеи». Ну, ей не говорили — что может разрыв сердца. Это может получиться. Это вот этот мужик — Пензен... или из какой, или Смоленской, какой-то области, он не наш, — рассказывал. А это евоная племяница. Он и говори: «У нас очень позор, что если девушка в положении». Вот так. Это было, говори, правда <...> Это всё говорят, что гады — оны интересуются в рот влезть. Токо в того не полезет, у кого пахнет табаком. Ты кури больше. Куришь?

Соб.: Курю.

— Ну вот. Вот так (зап. от Н.А. Карповой, 1906 г.р., д. Заозерье Плюского р-на Псковской обл.).

12. А у коровы было. Это действительная была правда. Корова сожрала змяю, и змяя даже щанилася в коровы. Это действительная правда была. Сохла и сохла корова, и сохла. А когда зарезали — она ж кровью ейной питалася. Вот. И два этих змяёныша, и змяя (зап. от Л.Я. Салоговой, 1933 г.р., д. Макавеево Локнянского р-на Псковской обл.).

13. Ну, а рассказывали, что была змяя вползши. Что бярменная женщина заснула. (Ну, это, я думаю, что пуля. Если это не пуля, то какого х.. тогда? Ну?) Что была бярменная женщина, и спала ёна на это, на зямле, и ёй змяя вползла. И кругом рябёнка была обвивши. Это точно пуля. Это байки. Вот (зап. от Е.Т. Слезковой, 1926 г.р., д. Гоголево Бежаницкого р-на Псковской обл.).

В третьей версии рассматриваемого сюжета знаки пребывания гада в организме получают ложное истолкование: полнота прозорливого человека или беременности. Именно в этом последнем вариан-

те сюжет обретает наибольший новеллистический потенциал, реализация которого в пределе ведет к обращению былички в сказку. Связь змеи и зачатия в мифологии и ее отражение в фольклоре хорошо известны. В рассказах о ложной беременности змеей перед нами один из рефлексов этой связи. Стоит особо отметить периодически возникающий мотив «змея рождает в человеке»: таким образом мнимая беременность девушки как бы дублируется реальной беременностью заползшей в нее змеи. Это же обстоятельство присутствует и в рассказе (единичном в наших записях) о проглоченной коровой змее (отметим особые семантические связи змеи с коровой и коровы с женщиной в славянских верованиях). Текст о змее в чреве беременной женщины (№ 13), по видимому, представляет собой случай «удвоения качества» (женщина одновременно носит собственный плод и заползшую змею).

Различия между сюжетными версиями, детальное варьирование в рамках каждой из них, набор актуализируемых традиционных верований, предписаний, запретов и т.д. — все это делает тексты рассказов о проникновении змеи в человека, при единстве основного мотива, достаточно разнообразными, а сам мотив — продуктивным и содержательно емким.

Примечания

¹ См.: Лурье М.Л., Филитова А.В. Змея в бутылке // ЖС. 2000. № 4. С. 55—56.

² Чулков М. Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М., 1786. С. 201—202.

³ В-й Д. Мнения простолудинов о змеях // Новейший магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. 1827. Ч. 1. № 3. С. 21—22 (204—205).

⁴ Бехтерева В.М. Одержимость гадами // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1900. № 5. С. 330—331.

⁵ Осипов В.П. Одержимость гадами и ее место в классификации психозов // Обзорение психиатрии... 1905. № 2. С. 132.

⁶ Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб., 1993. С. 204.

⁷ Власова М.Н. Былички новгородской области о змеях и заклинках // Экспедиционные открытия последних лет / Сост. М.А. Лобанов. СПб., 1998. С. 146.

* Там же.

Е.А. ИВАНОВА;
М.Л. ЛУРЬЕ, канд. искусствоведения;
Гос. Полярная академия
(Санкт-Петербург)